

26 января 1986 года

ЛИТЕРАТУРА ИСКУССТВО

Страница № 2 (615)

НА ЯЗЫКЕ ТЕРПСИХОРЫ

Театр оперы и балета перед творческим отчетом в Москве

То ли из осторожности, то ли из-за чрезмерной придирчивости лишь «вполне балетной» назвал один из современников Чайковского, критик Ларош музыку «Лебединого озера». Впрочем, биографы композитора действительно отмечают, что партия балета создавалась в какой-то творческой спешке и потому не лишена некоторых неровностей и даже «штампованных росчерков». Но поставленный в 1895 году М. Петипа и Л. Ивановым спектакль позволил увидеть, насколько глубокими эмоциями скорби и радости, восторга и отчаяния, пульсацией страстей наполнена музыка «Лебединого озера». Тогда же за балетом закрепилось определение одного из самых ароматных цветков «снежинки поры» в творчестве композитора. И это вполне естественно, ведь именно постановка, сценическая интерпретация в конечном счете решают судьбу произведения.

Безусловно, что прошедшая недавно в Татарском государственном театре оперы и балета им. Н. Динили премьер «Лебединого озера» П. И. Чайковского стала значительным событием культурной жизни Казани. Хорошо известный и горячо любимый балет великого русского композитора предстал перед зрителями в новой интерпретации.

Несколько слов об одном из создателей спектакля ленинградском балетмейстере Н. Федоровой. В прошлом характерная балерина, она обладает подлинной эрудицией, пониманием стиля и огромной любовью к классической хореографии. В спектакле, созданном при ее участии, благодаря высокому уровню хореографии нет драматургически неоправданных, просто эффектных сцен, все номера идейно слаяны и взаимообусловлены.

Ленинградскую школу балета всегда отличали глубокая содержательность, насыщенность действия, стремление не к абстрактной выразительности яркого зрелища, а к конкретной эмоциональной окраске образов через индивидуальность исполнителя, специфику его темперамента. Этот же принцип был положен и в основу работы балетмейстера с казанскими артистами. Не разрушая общей хореографической концепции, ему удалось с удивительным тактом предоставить почти каждому солисту возможность найти оригинальное решение своей партии.

Центральным образом спектакля становится Одетта. Эта роль не просто трудна и ответственна — она бескомпромиссна. В ней не за что «спрятаться», она требует от балерины в полном смысле профессионального совершенства.

Прекрасное впечатление оставляет Одетта в исполнении И. Хакимовой. Это не первый опыт работы балерины над образом королевы лебедей. В нынешней трактовке ей удалось обогатить новыми оттенками пластику, отчего психологический рисунок образа стал еще выразительнее и глубже. Вполне удается ей и перевоплощение в Одилю. Чарующей, стремительной, обольстительной предстает она в третьем акте балета, поражая воображение принца, и также неожиданно исчезает, как и появляется...

Иная Одетта-Одилия в трактовке З. Ильасовой. Преодолевая свою хрупкую, «сильфидную» природу, балерина создает более земной образ. Покоряет и ее Одилия — своей упругой грацией, великолепно исполненными фюте... Кстати сказать, далеко не все, даже знаменитые балерины, включали этот сложный элемент в свои вариации. Более того, партию Одетты-Одилии очень часто «делили» между двумя балеринами. В силу разнотанности, можно сказать, полярности этих персонажей, не каждой исполнительнице удается выдержать ту физическую и эмоциональную нагрузку, с которой сопряжены их сценическое воплощение.

В премьерных спектаклях участвовали не только известные мастера, но и молодые исполнители. В частности, нельзя не отметить удачный дебют Л. Мухаметгалеевой. Редко кто с партии Одетты начинает свой творческий путь. В большинстве случаев ее танцуют балерины, накопившие уже некоторый сценический опыт.

Возможно, что-то в этой первой крупной работе Л. Мухаметгалеевой не получилось так, как задумывалось, но сейчас для молодой балерины не менее важно научиться рассчитывать свои силы на сцене, стремясь к развешенности, большей убедительности образа. У королевы лебедей Л. Мухаметгалеевой действительно царская осанка, нежная, певучая пластика, а ее двойники — Одилия не лишена «дьявольской» искры...

Образ Зигфрида очень поразительно воплотили И. Жуков, Р. Абульханов и В. Бортияков.

Во многом приятное впечатление оставляет И. Жунов. Его герой романтичен и восторжен, плоть от плоти «сказочный принц». И все-таки работа над образом не завершена: в пантомиме хочется видеть большей выразительности, глубины, в танцах — технической уверенности.

Также благороден, но более сдержан принц Р. Абульханов. Этому образу не хватает теплоты, искренней увлеченности.

Известно, что партия Зигфрида довольно сложна технически: в ней много поддержки, повторов виртуозных элементов. Легко справляется с ними народный артист ТАССР В. Бортияков. Впрочем, это неудивительно — партия Зигфрида для танцовщика не нова. Но подчас уверенность в собственной технике переносится и на характер самого «героя», делая его, героя; менее романтическим, отчасти даже высокомерным.

Говоря о постановке в целом, нельзя не отметить возросшую сценическую культуру ансамблей, кордебалета. Скажем, второй акт балета — это в прямом смысле лебединое озеро. За исключением дуэта Одетты и Зигфрида действие складывается из лирических моментов, нелого ряда сольных и групповых танцев лебедей. Одно из главных достоинств их исполнения — синхронность.

Сверхкачущей россыпью характерных танцев блещет третий акт балета. Здесь в полной мере проявился опыт Н. Федоровой как характерной танцовщицы. Хореография, как и музыка каждого из танцев, содержит черты национальных стилей. Замечательный испанский сменяет минорно-патетический венгерский. Мазурка, инструментальная Чайковским, символизирует польский танец. Наиболее популярный номер — на мотив неаполитанской песенки — решен постановщицей в нежных, почти акварельных красках. Можно сказать, что эти два акта исполняются на одном дыхании. Балет смотрится с неослабевающим вниманием. Немалая заслуга в этом репетиторов — С. Хайтемировой, Л. Исаковой, дирижера Т. Ахметова и других создателей спектакля.

...Сразу же после окончания последнего — третьего премьерного спектакля за мультисим мне довелось стать невольной свидетельницей такой сцены: глубоким поклоном, на языке Терпсихоры, артисты благодарили и прощались с постановщиком спектакля Н. Федоровой.

Г. СИНЕВА.

Наш внештатный корр.